

После слов Цзян Лэ атмосфера словно на несколько секунд застыла. Чёрная змея уныло уползла в сторону.

Цзян Лэ продолжил разделять мясо. Он тщательно срезал его с костей: когда кость и плоть были отделены друг от друга, проще было понять, не относится ли сама кость к каким-нибудь особым материалам. Он рассортирует их по категориям, сохранит, а потом, когда будет время, найдёт им применение.

Неизвестно, из-за неприятного разговора с Цзян Лэ или нет, но в тот же день после обеда чёрная змея попрощалась с маленьким островом раньше обычного и вернулась к Сян Пину.

Цзян Лэ ничего не сказал. Он, как и прежде, жил на острове, только передумал уходить немедленно.

Те морские мутировавшие виды, что прошлой ночью выбрались на берег, заинтересовали Цзян Лэ. Он подумал, что задержаться здесь на какое-то время тоже неплохая идея. Мутации в море были непредсказуемы и изменчивы; спускаться прямо в воду было слишком опасно и неудобно для боёв сухопутных питомцев. Но если это место могло само привлекать амфибийных мутировавших существ на берег, почти получалось, что ему даже не нужно покидать остров: у него под рукой возникала автоматически обновляющаяся зона мутаций.

Метеоритная энергия морских мутировавших видов была хаотичной, но после извлечения её всё равно можно было использовать.

Вместо того чтобы рисковать снаружи, здесь он мог получать более стабильную выгоду.

Следующие полмесяца с лишним жизнь Цзян Лэ вошла в размеренный ритм. Он просто изменил режим: днём спал, а ночью выводил питомцев сражаться с морскими мутировавшими видами. Когда было необходимо, он намеренно использовал энергетические колебания метеорита, чтобы приманить мутировавшие виды на берег; в каком-то смысле это очень походило на рыбалку.

Волчонок, кровавая лоза и мутировавший женьшень всё слаженнее действовали вместе. Цзян Лэ почти не приходилось отдавать им приказы. Но когда тело в основном восстановилось до лучшего состояния, он всё равно сражался бок о бок с питомцами, заодно развивая с ними показатель слаженности.

Когда начинало светать и волна атак морских мутировавших видов постепенно сходила на нет, Цзян Лэ поручал волчонку разделку мутировавших существ, а сам брал кристаллические ядра и входил в пространство фермы. Сначала он раскладывал их по категориям и загружал в разлагатель метеоритной энергии, позволяя процессу разложения идти самостоятельно.

Морские мутировавшие виды значительно пополнили биологический справочник. Разблокированные за это награды снова подняли уровень и шанс успеха у разлагателя и синтезатора: теперь можно было одновременно синтезировать или разлагать больше энергии, а ещё выбирать разложение метеоритной энергии на разное количество высокоуровневых кристаллических ядер, начиная уже с 10-го уровня и выше.

Цзян Лэ вложил в разлагатель сегодняшнюю добычу, а затем достал из выходного отверстия накопившиеся там кристаллические ядра из прошлой партии, уже прошедшие разложение. Разные энергии были разложены на маленькие шарики разных цветов; они лежали у него на ладони, словно россыпь разноцветных стеклянных бусин.

Цзян Лэ привычно рассортировал их, затем вложил в синтезатор на другой стороне и так же вынул из выходного отверстия синтезатора кристаллические ядра, которые вчера отправил на синтез.

Одно за другим чистые по энергии кристаллические ядра спокойно легли ему на ладонь. Ещё день-два, и он накопит достаточно кристаллических ядер, чтобы одновременно повысить всех трёх питомцев.

Если бы всё шло по прежнему плану, Цзян Лэ, возможно, смог бы накопить опыт для собственного нового повышения только после повышения трёх питомцев. Но теперь ситуация немного изменилась.

Его взгляд упал на едва мерцающую личную шкалу опыта. С позапрошлой ночи она непрерывно вспыхивала, подсказывая Цзян Лэ, что пора повышаться.

Причина была в том, что за это время посадочный материал фермы начали массово перевозить наружу. Цзян Лэ вынужден был признать: способности Сян Пина к планированию, перевозке и координации действительно поражали. За эти полмесяца с лишним посадочный материал фермы успешно разошёлся по базам всего материка, почти опустошив годовые результаты выращивания и разведения фермы.

К счастью, на ферму непрерывным потоком поступали кристаллические ядра разных уровней. Через руки Мао Сяофэя они складывались в склад, и Цзян Лэ мог напрямую забирать эти кристаллические ядра из пространства.

Большую их часть он обменивал у системы на монеты, покупал ещё больше посадочного материала и напрямую докладывал его на склад, делая вид, будто это ранее накопленный урожай, чтобы удовлетворить потребности Сян Пина. Оставшуюся меньшую часть полезных ядер Цзян Лэ тоже использовал для синтеза.

Иными словами, действия Сян Пина, который хотел воспользоваться посадочным материалом фермы и в больших масштабах выкорчевать мутировавшие виды внешнего мира, в краткосрочной перспективе, наоборот, вернули Цзян Лэ огромное количество опыта и резко ускорили его повышение.

И это было только начало. По мере того как на разных базах росла скорость посадки и увеличивались площади выращивания, опыт, который мог получить Цзян Лэ, будет расти уже в геометрической прогрессии.

Именно это и было тем отчаянным, поставленным на всё планом, который Цзян Лэ придумал ещё до того, как отправился искать Сян Пина.

Он раскрыл блокнот Мао Сяофэя, взял лежавший рядом карандаш и начал писать и чертить на странице, передавая сведения, которые хотел сообщить Мао Сяофэю. За это время между ними уже сложилось молчаливое взаимопонимание. Цзян Лэ на расстоянии управлял различными вопросами посадочного материала, но давал Мао Сяофэю указания только тогда, когда это было необходимо. Большую часть времени он всё же позволял Мао Сяофэю, опираясь на ситуацию на самой ферме, самому разбираться с делами.

После небольших волнений ферма теперь почти привыкла к взаимодействию с внешними людьми. Большинство обладателей способностей, которых прислал Сян Пин, были очень дисциплинированными: они делали только то, что поручал Сян Пин, и даже не оставались ночевать в пределах фермы, а быстро перемещались через подземные ходы, прорытые чёрной

змеёй.

Цзян Лэ взял из пространства фермы немного мяса и овощей, вышел наружу и положил продукты в корзину для мытья рядом с разделочной доской. Тут же несколько дочерних лоз подползли ближе и очень сноровисто распределили обязанности: одни мыли и резали овощи, другие разжигали огонь и ставили котёл. Кухонный нож ритмично и ровно стучал по доске. Если не учитывать, что всем этим управляли всего лишь несколько лоз, по одному звуку легко можно было решить, будто здесь хлопчут несколько поваров.

За полмесяца эти дочерние лозы уже уверенно освоили больше десятка блюд. Вероятно, из-за врождённого, почти ненормального контроля над запахами и температурой они готовили талантливее, чем сам Цзян Лэ, и Цзян Лэ с радостью передал кровавой лозе эти дела.

Он взял костяной клинок, подошёл к волчонку и вместе с ним обработал оставшиеся куски мяса. Многое оставил кровавой лозе и её дочерним лозам, чтобы те сами выбрали, что съесть, а остальное по-прежнему убрал в пространство.

После всей этой возни из пещеры за спиной уже потянуло ароматом еды.

Цзян Лэ и волчонок вернулись в пещеру и начали есть этот приём пищи, который вроде бы был завтраком, но для них скорее ужином. За это время волчонок уже неплохо привык пользоваться палочками.

По сравнению с прежним кормлением с рук волчонку гораздо больше нравилось сидеть напротив Цзян Лэ и есть из миски палочками. После первоначальной неловкости Цзян Лэ тоже полностью привык.

После еды он также отдал миски и палочки кровавой лозе, а затем, испытывая лёгкое чувство вины, достал дополнительное кристаллическое ядро и скормил его кровавой лозе в награду за трудолюбие.

Кровавая лоза довольно держала это кристаллическое ядро во рту, будто сладкую конфету, и вовсе не считала себя измученной. После нескольких повышений её дочерние лозы по-прежнему полностью подчинялись материнскому телу, но сами уже обладали определённым сознанием. Повторяющиеся действия формировали у них что-то вроде мышечной памяти и не требовали от материнского тела особого контроля.

Закончив этот завтрак-ужин, Цзян Лэ и волчонок вошли в пространство отдыхать, чтобы накопить силы для ночного боя.

Кровавой лозе и мутировавшему женьшеню больше нравилось свободно бродить по острову, поэтому обычно они не входили в пространство вместе с ними. На самом деле, теоретически волчонку тоже не нужен был такой же сон, как Цзян Лэ. Он просто очень любил липнуть к Цзян Лэ.

А что до Цзян Лэ, его нижняя граница терпения теперь уже была продавлена очень, очень низко. Пока этот волчонок не пытался втиснуться к нему, когда он мылся, он мог промолчать даже о том, что во время сна к нему в объятия забирается полуголый мужчина.

Стоило только закрыть глаза и снова и снова повторять себе: это не человек, это волчонок. В общем-то, сон приходил довольно быстро.

Цзян Лэ подумал, что, наверное, у него уже выработался настрой «ну и ладно, как-нибудь

перебьёмся».

Он открыл дверь ванной. Волчонок, как и ожидалось, уже сидел у края кровати. В руках он держал полотенце; когда Цзян Лэ подошёл, он обернул полотенцем его голову, несколько раз выдохнул внутрь горячий воздух и без труда высушил Цзян Лэ волосы.

Закончив, Цзян Лэ лёг у внутренней стороны кровати и посмотрел, как волчонок сам вошёл в ванную. Спустя десять с лишним минут волчонок вышел в пижаме и естественно лёг рядом с Цзян Лэ. И в волчьем облике, и в человеческом он был таким большим, но всё равно упорно любил сворачиваться целиком в объятиях Цзян Лэ.

Поначалу Цзян Лэ собирался строго это запретить. Но если проследить истоки этой привычки, в голове всплывали только сцены, где упрямый волчонок яростно сопротивлялся, а Цзян Лэ силой прижимал его к себе и тискал. Будучи главным виновником, Цзян Лэ теперь уже не мог выступать слишком строго: позиции не хватало, зато ощущения «сам виноват» было предостаточно.

Волчонок обнял Цзян Лэ за талию. Прежде чем закрыть глаза, он поднял голову и поцеловал Цзян Лэ в губы. Только потом уткнулся лицом в его шею, потёрся, нашёл удобный для себя угол, тёплым дыханием коснулся кожи Цзян Лэ и постепенно уснул.

Цзян Лэ же закрыл глаза и сказал себе в душе: завтра. Завтра он обязательно запретит ему так делать!

После прошлого ухода чёрная змея больше не приходила. Видимо, у Сян Пина она была занята до невозможности. Цзян Лэ уже накопил достаточно кристаллических ядер для одновременного повышения трёх питомцев, а чёрная змея так и не появилась.

Иногда Цзян Лэ вспоминал о ней, но не слишком принимал это близко к сердцу. Время от времени он мог прямо на карте фермы увидеть её присутствие: жива, здорова, ещё и очень бодро шевелится.

По своему плану Цзян Лэ убрал всех питомцев в пространство и начал готовить их новое повышение. Ориентируясь на показатели питомцев в системе, он распределил между ними кристаллические ядра. После распределения у него в руках ещё осталось несколько запасных ядер: если питомцам не хватит одного-двух пунктов опыта, этими запасными ядрами можно будет восполнить недостачу.

К счастью, прежние расчёты Цзян Лэ оказались точными. Он по возможности учёл особенности каждого питомца и недостающие им энергетические блоки, и этого как раз хватило, чтобы покрыть энергию, необходимую для повышения.

Кровавая лоза и мутировавший женьшень ушли в спячку для повышения на своих участках земли. Волчонок же, совершенно естественно вернувшись в исходный облик, лёг на кровать и только тогда проглотил подготовленные Цзян Лэ кристаллические ядра.

Убедившись, что все питомцы уже вошли в процесс повышения, Цзян Лэ открыл собственную панель повышения. За эти дни его личная шкала опыта снова продвинулась вперёд. Влияние, принесённое Сян Пином, оказалось сильнее, чем он представлял. С такой скоростью, возможно, когда Цзян Лэ выйдет из следующего повышения, до нового повышения ему тоже останется недалеко.

Он нажал «начать повышение». Цзян Лэ закрыл глаза. Время в пространстве фермы

стремительно понеслось вперёд, пока они спали, и незаметно прошло больше десяти дней.

Именно в эти десять с лишним дней чёрная змея снова набралась смелости и пришла на этот морской остров. После прошлого разговора с Цзян Лэ его явно отвращённое отношение к Сян Пину заставило чёрную змею растеряться. Но ей всё равно слишком нравилось проводить время с Цзян Лэ и остальными, и она не удержалась.

Но, придя, она обнаружила, что здесь пусто. Чёрная змея, расстроившись, решила, что Цзян Лэ ушёл вместе с питомцами, и потерянно кружила перед пещерой. Но вдруг увидела, что снаружи пещеры несколько дочерних лоз дёргаются и извиваются перед пустотой.

Чёрная змея никогда не видела, как дочерние лозы занимаются домашними делами. А если бы видела, сразу отличила бы эти движения: одни означали нарезку овощей, другие — мытьё посуды. Их зависимость уже была настолько сильной, что им не хватало только фартука, и можно было прямо отправлять их на кухню.

Обнаружив, что дочерние лозы всё ещё здесь, чёрная змея из печали перешла к радости. Она тут же ткнула эти лозы хвостом и спросила:

— Где ваш папа? Где хозяин вашего папы?

Сознание дочерних лоз было слабым, но чёрную змею они всё же помнили. А услышав ключевые слова вроде «хозяин», несколько лоз указали внутрь пещеры. Чёрная змея не обнаружила Цзян Лэ в пещере, но всё равно поняла, что он не ушёл, и на душе у неё стало гораздо спокойнее.

Она вытащила из пещеры шезлонг, легла на пляже, греясь на солнце, закрыла глаза и сразу смогла представить, будто сама является питомцем Цзян Лэ: Цзян Лэ будет сражаться вместе с ней, будет переживать, если она ранена, будет давать ей вкусное, будет тщательно продумывать для неё множество вещей, а не относиться к ней как к заменимой мелочи.

От одной мысли об этом казалось, что греет её уже не только солнечный свет.

В это время чёрная змея всё время была занята прокладкой подземных ходов между разными базами для Сян Пина и почти не отдыхала. Но Сян Пину было всё равно. Он всё время пропадал в операционной, и чёрная змея несколько раз, проходя мимо двери операционной, видела, как он держит скальпель.

Не хочется возвращаться, думала чёрная змея, свернувшись в шезлонге. Ей больше хотелось навсегда остаться здесь.

* * *

Лю Тяньян сбежал с главной базы уже больше месяца назад, но события того дня, когда он бежал, всё ещё стояли перед глазами. Порой, просыпаясь среди ночи после кошмара, он даже сомневался, действительно ли ему удалось выбраться. Даже во сне ему снилось, что у него больше нет ни рук, ни ног, и он часто просыпался с криком от страха.

Первые полмесяца с лишним после возвращения на 1-ю базу Лю Тяньян вообще не решался выходить. Ел, пил и справлял нужду, не выбираясь из комнаты, за что Лю Цзяньхуа несколько раз его отругал. Только в последние дни он наконец кое-как собрал обратно свой перепуганный дух и начал выходить на улицу.

Неожиданно, стоило выйти, как он снова столкнулся с нечистым делом.

Лю Тяньян стоял у лотка с цзяньбином и ждал, когда лепёшка будет готова. С тех пор как база начала выращивание, здесь уже выстроили систему оборота ресурсов. Собственные посадки могли обеспечить людей на базе едой, и теперь ассортимент на разных лотках становился всё богаче.

Конечно, с тем, что было до апокалипсиса, это не сравнить. Но если сопоставить с самым трудным периодом после конца света, разница была как между небом и землёй.

Лю Тяньян вдыхал аромат цзяньбина и ждал, пока хозяин завернёт внутрь всякие овощные начинки. В душе он всё ещё думал: если бы несколько месяцев назад ресурсов было так же достаточно, Чжан Чэну, наверное, не пришлось бы выходить на рискованное задание, заразиться вирусом и превращаться в зомби.

Чжан Чэн был другом Лю Тяньяна на базе. У него, в отличие от Лю Тяньяна, не было отца-обладателя способности, который мог бы его прокормить, поэтому он время от времени подлизывался к Лю Тяньяну и так выпрашивал у него немного еды. Лю Тяньян не то чтобы не понимал, почему Чжан Чэн его задабривает. Ему просто очень нравилась эта лесть.

Но однажды Чжан Чэна укусила зомби во время простого задания по зачистке, куда они отправились вместе. На глазах у Лю Тяньяна он превратился в зомби, и с тех пор у Лю Тяньяна стало на одного прихвостня меньше.

Получив от хозяина овощной цзяньбин, Лю Тяньян откусил большой кусок. Свежий аромат овощей во рту наполнил его удовлетворением. Последствия главной базы оказались такими, что Лю Тяньян долго не мог есть мясо. Лю Цзяньхуа не раз ругал его за то, что он не ценит хорошего, но Лю Тяньян всё равно не решился рассказать ему о случившемся на главной базе.

У Лю Цзяньхуа в последнее время и без того хватало забот. Он обнаружил, что посадочный материал на базе не изменился, но ходят слухи, будто теперь это уже не то, что даёт базе Цзян Лэ, а то, что предоставляет руководство базы Дунфан. Лю Цзяньхуа ходил спрашивать Ань Цзиньхэ, и тот тоже сказал, что сейчас потерял связь с Цзян Лэ.

С одной стороны, Лю Цзяньхуа переживал, что из-за этого его положение на базе снизится. С другой стороны, он всё-таки хоть немного, но беспокоился о безопасности Цзян Лэ.

Лю Тяньян же, просыпаясь по ночам, всё чаще вспоминал голос человека, который спас его тогда, и всё сильнее чувствовал: возможно, это и был Цзян Лэ. А если учесть, что объект сделок с посадочным материалом сменился, эта вероятность становилась ещё выше.

Лю Тяньян мысленно проклял восемнадцать поколений предков Сян Пина, но кроме тайной ненависти всё равно не смел лезть в эту мутную воду.

Он за несколько укусов съел большую часть овощного цзяньбина. Его взгляд бесцельно скользил по главной улице базы, и вдруг краем глаза он заметил знакомую фигуру.

Чжан Чэн?

Лю Тяньян потёр глаза, решив, что ошибся. Но ноги сами понесли его за силуэтом, который он только что увидел. Он в два-три укуса доел оставшийся цзяньбин.

Только после двух улиц он догнал эту фигуру. Сначала Лю Тяньян со спины убедился, что это

действительно человек, и лишь потом, набравшись храбрости, окликнул:

— Чжан Чэн?

Он всего лишь осторожно попробовал позвать, но неожиданно человек действительно обернулся. И это лицо несомненно принадлежало Чжан Чэну!

Лю Тяньян порадовался, что съел цзяньбин ещё по дороге. Иначе сейчас точно уронил бы его на землю от испуга.

— Ты... ты почему здесь? — Лю Тяньян отступил на полшага, опасаясь, что Чжан Чэн на месте превратится в зомби.

Лицо Чжан Чэна было немного бледным, щёки осунулись, но он и правда был человеком. Он улыбнулся Лю Тяньяну, но прежде чем заговорить, несколько раз закашлялся:

— Тело поправилось, вот я и вернулся.

— Как... как поправилось? — Лю Тяньян широко распахнул глаза. — Зомби-вирус вообще может пройти?

Чжан Чэн и сам не очень ясно помнил, как именно поправился. Воспоминания в голове распались на обрывки и не соединялись в цельную линию. Он озадаченно посмотрел на Лю Тяньяна:

— Я не очень помню. Прости, мы раньше были знакомы?

Обнаружив, что Чжан Чэн его забыл, Лю Тяньян, наоборот, немного расслабился.

Ненормальность — это хорошо. В такие времена именно ненормальность выглядела более нормальной.

Лю Тяньян почесал голову, назвал своё имя и сказал, что раньше они с Чжан Чэном были друзьями. Затем он проводил взглядом Чжан Чэна, когда тот вошёл в дом с комнатами для совместной аренды, где ютились люди с низким доходом, и только после этого повернул назад.

За ужином Лю Цзяньхуа снова приготовил мясное блюдо: целого мутировавшего кролика после тушения в соусе разрубили ножом пополам и положили на тарелку.

Когда Лю Тяньян увидел свернувшиеся лапы этого кролика, его снова слегка потянуло на рвоту. Но, заметив взгляд Лю Цзяньхуа, он не решился выплюнуть это наружу и только сказал:

— Оставь пока! Вечером проголодаюсь — съем как ночной перекус. Сейчас кажется слишком жирным.

— Вечно у тебя куча проблем, — выругался Лю Цзяньхуа, но заставлять Лю Тяньяна есть прямо сейчас не стал.

После ужина Лю Цзяньхуа ушёл к знакомым играть в карты, а Лю Тяньян посмотрел на половину кроличьего мяса и вдруг снова вспомнил худой вид Чжан Чэна. Он хлопнул себя по лбу, заново завернул крольчатину в промасленную бумагу и решил отнести Чжан Чэну, чтобы тот подкрепился. Заодно он хотел расспросить, как Чжан Чэн сумел перейти из состояния зомби обратно в здорового человека. Это было слишком удивительно.

Луна взобралась на небо и разлила холодный свет. Лю Тяньян, следуя дороге в памяти, нырнул в глубокий, бездонно тёмный переулок.

<http://bllate.org/book/17649/1691192>